

ЕЛЕНА ДМИТРЕНКО
(Полтава)

А.С.ПУШКИН И В.Ф.ОДОЕВСКИЙ: ТИПОЛОГИЯ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: мотив, образ, повесть, романтизм, фантастика.

Современное литературоведение небогато фактами, знакомящими читателей с историей взаимоотношений А.С. Пушкина и В.Ф. Одоевского. Известно, что в 30-е годы XIX столетия литературная деятельность В.Ф. Одоевского, несмотря на то, что он не относился к числу писателей «первого ряда», была тесно связана с творчеством А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина. По словам М.П. Погодина, салон В.Ф. Одоевского был одним из самых популярных в Петербурге. «Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазками, толстый путешественник, тяжелый немец – барон Шиллинг, воротившийся из Сибири, и живая, миловидная графиня Росточина, Глинка и профессор химии Гесс, Лермонтов и нуклоний, но многознающий архисолог Сахаров. <...> Здесь явился на сцену большого света и Гоголь» [цит. по: 9, с.184]. Таким образом, есть основание, чтобы считать В.Ф. Одоевского писателем пушкинского круга.

Творческие контакты «титанов» русской поэзии и прозы освещены в трудах исследователей довольно широко, однако литературные взаимосвязи А.С. Пушкина и В.Ф. Одоевского изучены, на наш взгляд, недостаточно. Частично, в рамках изучения творческого наследия писателей, к этой проблеме обращались П.Н. Сакулин, Н.В. Измайлов, В.И. Сахаров, М.А. Турьян и др. П.Н. Сакулин одним из первых дал оценку творческим взаимоотношениям между А.С. Пушкиным и В.Ф. Одоевским в историко-культурном труде «Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель» (1913). Исследователь отмечал, что в 1830-е годы В.Ф. Одоевский стал «восторженным почитателем Пушкина и затем всю жизнь благоговейно преклонялся перед именем гениального поэта» [6, с.322]. В другом месте своей обширной монографии литературовед писал: «Одоевский, действительно, благоговел перед Пушкиным; как подсолнечник тянулся он к «солнцу русской поэзии» и внимал советам гениального учителя поэзии...» [6, с.329]. При внимательном изучении труда П.Н. Сакулина невольно приходишь к выводу, что его автор усматривал в творчестве обоих писателей, представляющих разные литературные школы и направления в истории русской художественной прозы только «влияние» А.С. Пушкина на В.Ф. Одоевского. Н.В. Измайлов, исследуя вопрос о творческих взаимосвязях между А.С. Пушкиным и В.Ф. Одоевским, предлагал рассматривать указанных писателей «не как учителя и ученика, не как центральное светило и спутника, но как представителей двух разных миропониманий» [3, с.304]. О каком-либо подражании А.С. Пушкину со стороны В.Ф. Одоевского не могло быть и речи. В.Ф. Одоевский является представителем философского течения в русском романтизме. Поэтому философский элемент в его произведениях преобладает над поэтическим, чисто художественным. В творчестве А.С. Пушкина философские элементы, философские мотивы также играют большую роль. Однако даже в произведениях с глубоким философским содержанием, каким является, к примеру, «Медный всадник», художественный замысел подчиняет себе все остальные. Важным, на наш

взгляд, является то, как сам В.Ф. Одоевский определял свои взаимоотношения с великим поэтом. «Я, что называется, товарищем детства Пушкина не был, – вспоминал В.Ф. Одоевский, – мы даже с ним не были на ты – он и по летам и по всему был для меня старшим; но я питал к нему глубокое уважение и душевную любовь и смею сказать гласно, что эти чувства были между нами взаимными» [цит. по: 6, с.322].

Как отмечают исследователи, литературные связи А.С. Пушкина с В.Ф. Одоевским возникли до того, как состоялось их личное знакомство. Между обоими писателями существовала переписка. В.Ф. Одоевский печатал критические статьи и отзывы на произведения А.С. Пушкина. Кроме этого, в архиве В.Ф. Одоевского сохранилось несколько статей о нем, как законченных, так и в набросках. А.С. Пушкин, в свою очередь, выделял В.Ф. Одоевского из ряда русских писателей. Новелла В.Ф. Одоевского «Последний квартет Бетховена» (1831) вызвала всеобщее восхищение и одобрение русской читающей публики и критики. А.С. Пушкин, проникшись высоким философским смыслом новеллы, также дал высокую оценку произведению. «Пушкин весьма доволен твоим *Квартетом Бетховена*, – сообщал А.И. Кошелев в письме В.Ф. Одоевскому в феврале 1831 года. – Он говорит, что это не только лучшая из твоих печатных пьес <...>, но что едва когда-либо читали на русском языке статью столь замечательную и по мыслям, и по слогу» [9, с.195]. Тема музыки, затронутая В.Ф. Одоевским в новелле о Бетховене, также была близка А.С. Пушкину. «Музыкальной теме» поэт посвятил свою драму «Моцарт и Сальери», написанную в Болдинский период. В.Ф. Одоевский как композитор и музыкальный критик в реальной жизни преклонялся перед гением великого Моцарта. Однако героем его новеллы становится не гармонично развитая личность преуспевающего Моцарта. Внимание писателя привлекает дисгармоничная личность Бетховена, не понятая и не признанная толпой.

В целом, точек соприкосновения в литературной деятельности А.С. Пушкина и В.Ф. Одоевского не так уж и много. Порой при внешнем сходстве тем и образов в произведениях писателей их замыслы глубоко различны. Так, картина петербургского наводнения по-разному изображена в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833) и повести В.Ф. Одоевского «Саламандра» (1838). Исследователи указывают на то, что в творчестве А.С. Пушкина и В.Ф. Одоевского встречаются общие темы, например, тема гробовщика и импровизатора. Среди историй, рассказанных Иваном Петровичем Белкиным, повесть «Гробовщик» (1830) оставила в художественном сознании В.Ф. Одоевского глубокий след. На это, в частности, указывает М.А. Турьян [9, с.236]. После знакомства с пушкинскими «Повестями Белкина» он задумывает написать цикл произведений, состоящий из тринадцати рассказов под общим названием «Записки гробовщика». Из намеченных рассказов цикла автор осуществил лишь три: «Сирота» (1838), «Живописец» (1839) и «Мартингал» (1846). В них гробовщик является рассказчиком. В то время как у А.С. Пушкина гробовщик является главным героем одноименной повести. При этом фигуры гробовщиков у А.С. Пушкина и В.Ф. Одоевского вряд ли можно сопоставить.

Некоторые литературоведы высказывают предположение, что «прозаические побасенки» «Повести Белкина» А.С. Пушкина, появившиеся в печати осенью 1831 года, натолкнули В.Ф. Одоевского на мысль о создании своего цикла сказок. Так, в 1833 году вышли в свет «Пестрые сказки» В.Ф. Одоевского, объединенные одним литературным рассказчиком Иринеем Модестовичем Гомозейко. Одновременно В.Ф. Одоевский создает «Жизнь и похождения И.М. Гомозейки». «История села Горюхина» А.С. Пушкина тесно связана с циклом «Повестей Белкина». У В.Ф. Одоевского прослеживается такая же связь. «Первостепенным же и непосредственным толчком к

новому замыслу послужили, без сомнения, «Повести Белкина», – утверждает М.А. Тургеньев [9, с.221]. Как бы там ни было, в образе Гомозейко отчетливо просматриваются автобиографические черты, неуловимые в Белкине. Определяющим в образе Гомозейко является его ученость, интеллект. Гомозейко – философ, рассказчик фантастических сказок, ученый чудаков. Однако в социальной иерархии он, как и Белкин, занимает «низовое» место. Он неопытен в практической жизни, боязлив и застенчив. Гомозейко явился как бы «городским», «столичным» вариантом Ивана Петровича. Переселяя своего героя из петербургских гостиных в провинцию, В.Ф. Одоевский хотел показать широкую панораму русского быта. И ученый Ириней превращается в неопытного помещика, вконец расстроившего скромное родительское наследство. Это делает его схожим с незадачливым владельцем села Горюхина. У В.Ф. Одоевского ощущается большое отклонение в сторону фантастического повествования. Фантазмагорический мир сказок В.Ф. Одоевского не всегда был понятен А.С. Пушкину.

Фантастический мир А.С. Пушкина отличается от философско-мистической фантастики В.Ф. Одоевского. Если фантастическая повесть В.Ф. Одоевского проникнута философским смыслом, то у А.С. Пушкина она основывается на принципах реалистического мышления. В произведениях А.С. Пушкина «Домик в Коломне», «Пиковая дама», «Медный всадник» темные силы также вторгаются в человеческую жизнь. Но в «Пиковой даме» «дьявольский договор» существует лишь в воспаленном воображении Германа, в то время как герой В.Ф. Одоевского в реальной жизни осознанно заключает договор с нечистой силой. У А.С. Пушкина и В.Ф. Одоевского было разное понимание «фантастического». В этом плане В.Ф. Одоевскому ближе «туманности» немецкого романтизма, в частности, Гофмана. Поэтому к фантастическим произведениям В.Ф. Одоевского А.С. Пушкин относился с большой долей иронии.

Возможно, появление литературных «рассказчиков» натолкнуло В.Ф. Одоевского и Н.В. Гоголя на мысль о совместном творческом союзе с А.С. Пушкиным. В 1833 году они задумывают издавать альманах «Тройчатка». По этому поводу В.Ф. Одоевский писал в сентябре 1833 года А.С. Пушкину: «Скажите, любезнейший Александр Сергеевич, что делает наш почтенный господин Белкин? Его сотрудники Гомозейко и Рудой Панек, по странному стечению обстоятельств, описали: первый *гостиную*, второй *чердак*; нельзя ли господину Белкину взять на свою ответственность *погреб*» [6, с.334]. А.С. Пушкин вежливо уклонился от участия в альманахе, сославшись на «хозяйственные хлопоты», «лень» и «головную боль». Из письма А.С. Пушкина В.Ф. Одоевский узнал, что Белкин, видно, «не на шутку покойник», а поэтому не может составить компанию ныне здравствующим Гомозейке и Рудому Паньку. Мероприятие не осуществилось.

В петербургских салонах начала XIX века были очень популярны выступления импровизаторов. Об искусстве импровизации много писали и говорили в ту пору. Эта тема привлекала романтиков. Вероятнее всего, под влиянием жизненных впечатлений у В.Ф. Одоевского в 1833 году («Импровизатор»), а в 1835 году у А.С. Пушкина («Египетские ночи») появились образы импровизаторов. У А.С. Пушкина импровизатор наделяется даром «свободного вдохновения», высокой поэзии и играет в повести, прежде всего, композиционную роль. В незаконченном произведении писателя через него должна быть введена поэма о «страстном торге» Клеопатры. Повествование же В.Ф. Одоевского проникнуто глубоким философским смыслом. В основе его повести лежит недоверие к искусству импровизации вообще. В рассказ об импровизаторе по имени Киприяно врывается чуждая, иррациональная сила, с которой тот заключает роковую сделку. Автор здесь развивает мысль о вреде и бесплодности знания, при-

обретенного без творческого усилия. Киприяно удручает «сухой» труд художника. Попирая законы искусства, муки творческой мысли, он становится самодовольным фокусником, удивляющим своим проворством толпу. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что оба писателя обращаются к общей теме. Но в интерпретации образа импровизатора каждый из них идет своим путем.

Поскольку А.С. Пушкина и В.Ф. Одоевского можно отнести к представителям разных творческих темпераментов, то вполне понятно, что они не всегда соглашались с манерой письма друг друга. Н.В. Измайлов указывает, что в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» В.Ф. Одоевского «не удовлетворяла сжатость рассказа, избегающего ради экономии изобразительных средств подробного развития отдельных моментов». По мнению Н.В. Измайлова, повесть А.С. Пушкина в глазах его критика являлась «схемой, слишком скупо заполненной материалом» [3, с.320]. Известно, что А.С. Пушкин стремился к выработке краткого, точного и лаконичного языка в художественной прозе. Язык В.Ф. Одоевского, напевный, метафоричный, многословный, свойственный философской речи вообще, не удовлетворял А.С. Пушкина. Мистические мотивы, которыми проникнуты многие «таинственные повести» В.Ф. Одоевского, были чужды А.С. Пушкину. Мотив «двоемирия», попытка обыкновенного человека проникнуть в потусторонний мир, его связь с миром духов, свойственные творчеству В.Ф. Одоевского, также не находили поддержки и понимания у великого русского поэта.

Наиболее тесно взаимоотношения обоих писателей начинают складываться в период издания А.С. Пушкиным журнала «Современник». Он предлагает, в свою очередь, В.Ф. Одоевскому сотрудничество в своем журнале, публикует его критические статьи и повести, поручает ему участие в организационно-технических делах «Современника». А.С. Пушкин придавал огромное значение критике и журналистике. Он считал журналы «представителями народного просвещения, указателями общего мнения» [1, с.292]. Поэт ценил в В.Ф. Одоевском глубокомысленного теоретика, критика с его объективными суждениями о передовой литературе того времени. Сотрудничая в различных журналах, В.Ф. Одоевский часто защищал А.С. Пушкина от нападков «литературных барышников». После смерти поэта В.Ф. Одоевский был в числе тех друзей, которые разбирали его рукописи, подготавливая их для нового издания сочинений, и которые взяли на себя труд продолжать журнал «Современник». В своем письме Б.Г. Глинке-Маврину в Париж от 14 мая 1837 г. В.Ф. Одоевский писал: «Журнал, издававшийся Пушкиным, продолжается его друзьями и сочинения его издаются ими же в огромном количестве экземпляров...» [цит. по 6, с.329]. П.Н. Сакулин высказал предположение, что автором краткого анонимного некролога, написанного на смерть поэта и опубликованного в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» за 1837 г. № 5 («Солнце русской поэзии закатилось!») был В.Ф. Одоевский. Основанием для подобного предположения послужил тот факт, что В.Ф. Одоевский активно сотрудничал в этом журнале и очень хлопотал о переводе некролога на французский язык.

Неудивительно, что в характере творчества обоих писателей найдется много общего, ведь они жили и творили в одну литературную эпоху. Однако говорить о непосредственном «влиянии» А.С. Пушкина на «русского Фауста» было бы ошибочным. Это были представители разных творческих темпераментов в рамках романтизма. В.Ф. Одоевскому ни у кого не нужно было учиться высокому пониманию искусства. Но непосредственное сотрудничество с великим поэтом обогащало писателя и помогало осмыслению многогранного литературного процесса, совершавшегося на его глазах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гукасова А.Г. Болдинский период в творчестве А.С. Пушкина / А.Г. Гукасова. – М. : Просвещение, 1973. – 303 с.
2. Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество / Е.А. Маймин. – М: Наука, 1982.– 208 с.
3. Измайлов Н.В. Пушкин и В.Ф. Одоевский / Н.В. Измайлов // Очерки творчества Пушкина. – Л. : Наука, 1976. – С.303–325.
4. Медведев Ю.М. Там лес и дол видений полны / Ю.М. Медведев // Русская фантастическая проза XIX – начала XX века. – М. : Правда, 1989. – С.453–477.
5. Одоевский В.Ф. Повести и рассказы / Владимир Федорович Одоевский – М. : Художественная литература, 1959. – 384 с.
6. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. : в 2 т. / П.Н. Сакулин. – М. : Издательство Сабашниковых, 1913. – Т. 2 – Ч.1. – 613 с.
7. Сахаров В.И. Сеятель мыслей / В.И. Сахаров // Под сенью дружных муз. – М. : Художественная литература, 1984. – С.203–255.
8. Сахаров В.И. Эволюция творческого облика В.Ф. Одоевского / В.И. Сахаров // Время и судьбы русских писателей. – М. : Наука, 1981. – С.20–49.
9. Турьян М.А. Странная моя судьба / М.А. Турьян. – М. : Книга, 1991. – 399 с.

Олена Дмитренко

О.С. ПУШКИН І В.Ф. ОДОЄВСЬКИЙ: ТИПОЛОГІЯ ТВОРЧИХ ВЗАЄМИН

Стаття присвячена проблемі творчих взаємин між О.С. Пушкінін та В.Ф. Одоєвським у 30-их роках XIX століття. Автор проводить паралелі між окремими творами обох письменників, підкреслюючи спільне й виділяючи відмінне. Особливу увагу в статті відведено питанню своєрідності світосприйняття письменників.

Ключові слова: мотив, образ, повість, романтизм, фантастика.

Elena Dmitrenko

THE TYPOLOGY OF CREATIVE RELATIONS BETWEEN A.S.PUSHKIN AND V.F. ODOEVSKIY

The article is devoted to the problem of creative relations between Pushkin and Odoevsky in 1830-th years. Author draws parallels between writers' works and underlines its common and distinguishing features. Meticulous attention in the article is focused on the question of peculiarities of the writers' world perception.

Key words: motive, figure, story, romanticism, science fiction

Одержано 7.04.09 р., рекомендовано до друку 25.08.09 р.